

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Джордж Бердо Гранди (Великобритания)

ПОЛИТИКА СПАРТЫ¹

Аннотация

Вниманию читателей предлагается перевод работы британского историка и политолога Джорджа Бердо Гранди (1861–1948). Гранди не только специализировался на истории Древней Греции и Древнего Рима, но и считается одним из основоположником такого интересного научного направления, как политическая психология. Преподавал в Оксфордском университете. В данной статье Гранди критически оценивает выводы Диккинса о существовании партийной политики в Древней Спарте. Гранди выделяет ряд направлений политики Спарты: поддержание должного уровня боеспособности спартиатов, поддержание своего влияния на Пелопоннесе в формате Союза, поддержание баланса сил в остальной части Греции, безразличие к делам и проблемам за пределами материковой Греции. Работа написана в жанре научной критики.

Ключевые слова: Спарта, политика, Гранди, Диккинс, спартиаты, Древняя Греция, научная критика

Grundy G. B. (Great Britain)

THE POLICY OF SPARTA

Abstract

This text is a translation of an article by the English historian and political scientist George Beardoe Grundy (1861–1948). Grundy is famous not only for investigating the history of Ancient Greece and Ancient Rome, but also for founding such an interesting research direction as political psychology. His whole career was connected with Oxford University. In this article, Grundy critically assesses Dickens' conclusions about the existence of party politics in Ancient Sparta. Grundy singles out a number of directions in Spartan policy: the maintenance of the military efficiency of the Spartiate population; the maintenance of a direct sphere of influence in Peloponnese in the form of a league; the maintenance of a balance of power in Northern Greece; indifference towards affairs outside the mainland of Greece. The work was written in the genre of scientific criticism.

Keywords: Sparta, politics, Grundy, Dickens, Spartiate population, Ancient Greece, scientific criticism

В двух статьях, опубликованных за последний год в журнале *Classical Quarterly*, одна вышла в октябре 1911 г., другая – в свежем номере этого года, г-н Диккинс вы-

---

¹ Н.с. VOL. XXXII.

Перевод выполнил Я. Ю. Моисеенко, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, с текста оригинального издания: Grundy G.B. The Policy of Sparta // The Journal of Hellenic Studies. 1912. No. 32. P. 261–269 / Translated by Yan Yu. Moiseenko, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, from Grundy G.B. The Policy of Sparta .The Journal of Hellenic Studies. 1912. No. 32. P. 261–269.

разил определённые взгляды касательно главных направлений политики Спарты во второй половине VI–V вв. до н. э. Поскольку обе его статьи однозначно нацелены на опровержение взглядов, выраженных лично мной и моими коллегами как на страницах данного журнала, так и в других изданиях, я хотел бы привести на это аргументированные возражения.

Во-первых, г-н Диккинс не преминул использовать имеющиеся у него особые возможности, чтобы изыскать информацию о древнем периоде Спарты, и потому он приводит в своих статьях большое количество новых, прежде неведомых, фактов. Что же, за эту часть его работы каждый, изучающий историю Древней Греции, должен быть ему премного благодарен. Однако же основные недостатки его работы дают о себе знать, как только мы переходим к выводам, которые он делает на основании приводимых им новых свидетельств, не говоря уже о той скупой учтивости, с которой он обращается с некоторыми из старых, но надёжных источников. Г-н Диккинс опирается на некоторые свидетельства Геродота и при этом игнорирует другие его замечания. Так же он обращается и с Фукидидом. Что касается позиции Аристотеля по данному вопросу, то г-н Диккинс словно считает её совершенно не достойной внимания, ведь работы Аристотеля как будто бы вводят нас в заблуждение относительно того, что представляла собой Спарта не только в древние времена, но и в V в. до н.э. Мне же кажется вполне разумным предположить, что в распоряжении Аристотеля в IV в. до н.э. имелись куда более убедительные свидетельства относительно спартанского государственного уклада V в., нежели те, которыми обладаем мы с вами, в XX в. от Рождества Христова, либо будут обладать наши потомки. Я не стану, конечно, утверждать, что положения Аристотеля, основанные на этих свидетельствах, точны во всех деталях; однако и способа доказать их абсолютную неправоту для нас не существует. Более

того, те знания о Спарте, которые передал нам Фукидид, в целом согласуются с положениями Аристотеля, а в чём-то и совпадают с ними.

Что касается новых фактов, представленных г-ном Диккинсом, то я всецело приветствую их, потому что они дают мне ещё больше оснований полагать, что выводы, к которым я пришел с учётом ранее существовавших свидетельств, по сути своей верны.

И я предлагаю рассмотреть только ту часть работы г-на Диккинса, которая имеет отношение к истории Спарты между 550 и 400 гг. до н.э., поскольку это тот период, когда для заинтересованного учёного историческая ретроспектива эпохи начинает превалировать над археологической.

Общие выводы г-на Диккинса относительно спартанской политики того периода таковы:

1. В то время в Спарте существовало две партии: партия монархистов во главе со Спартанским Царём, и партия антимонархистов во главе с Эфорами.

2. До начала царствования Архидам (468 г. до н.э.) партия монархистов Спарты была империалистической, а партия антимонархистов – соответственно, антиимпериалистической. Но лишь только царь Архидам показал себя приверженцем антиимпериализма, как все антимонархисты стали империалистами.

К этому г-н Диккинс добавляет и третий вывод, который, насколько я понимаю, выглядит следующим образом:

3. Политика предшествующих Архидаму царей, как ни трактуй её, была направлена против сословия спартиатов, поскольку имела план объединения Лакедемонского государства путем предоставления илотам гражданской и, по всей видимости, политической свободы¹.

Мои собственные выводы таковы:

¹ Я надеюсь, что правильно изложил точку зрения г-на Диккинса, поскольку, к сожалению, данный вывод представлен в его статье в весьма расплывчатой форме.

1. Что касается времени военачальника Лисандра, то есть последних десятилетий V в. до н.э., то в Спарте не было партий и, следовательно, не существовало никакой партийной политики вообще. Говоря современным языком, проводилась просто «государственная политика», основанная на согласии внутри полиса. Это можно утверждать определённо; и от этой политики отходили очень редко, и то лишь в силу эксцентричности таких могущественных личностей, как Клеомен или Павсаний, или из-за политических интересов Коринфа.

2. Эта политика неотступно следовала четырём принципам:

(А) Поддержание на должном уровне боеспособности спартиатов, что было необходимо для подавления илотов в пределах самой Спарты, и сведение к минимуму любых рисков, которые могли бы стать причиной для эмиграции больших групп спартиатов.

(Б) Поддержание своего влияния на Пелопоннесе в формате Союза, что позволяло спартиатам контролировать другие полисы и уменьшало риск тайного взаимодействия этих полисов с илотами.

(С) Поддержание баланса сил в остальной части Греции, особенно между Афинами и Беотией, что позволяло не допускать вмешательства других греческих полисов в дела Пелопоннеса.

(D) Безразличие к делам и проблемам за пределами материковой Греции.

Г-н Диккинс не приводит никаких новых фактов, несовместимых с этим взглядом на спартанскую политику.

При этом необходимо принять во внимание общеизвестные факты, которые делают предложенное им прочтение, по меньшей мере, сомнительным.

Кажется маловероятным, чтобы нечто, напоминающее «партийную систему», могло возникнуть в обществе людей, которые с рождения и до могилы подчинялись такой суровой дисциплине, как та, что, начиная с 550 г. до н.э., существовала в Спарте. Всё изменилось вследствие

политики военачальника Лисандра, когда некоторые спартанцы стали получать должности за границами полиса, где они вкусили «сладкий плод» личной свободы. Неудивительно, что этим мужчинам уже не хотелось возвращаться к суровым нравам своего во многом закостеневшего отечества. Именно тогда, но уж никак не раньше, и возникла империалистическая партия Спарты, которая противостояла её политике предыдущих полутора веков.

Опять же, можно ли поверить в то, что какое-либо сообщество веками подчинялось законам столь суровой жизни, которую привык вести спартанец, и делало это лишь для того, чтобы предотвратить проявление тиранической власти Царя, которую она могла бы смести в любой момент?

Чтобы понять спартанскую политику, необходимо осознавать, что образ жизни спартанца уникален не только по своей форме, но ещё более примечателен он тем, что веками сохранялся благодаря свободной воле всего народа. Он не мог быть навязан спартамцам каким-либо человеком или группой людей. Если бы это произошло, это всё равно не продлилось бы долго. Но люди не соглашались жертвовать личной свободой и комфортом, кроме как под давлением неких неотвратимых обстоятельств. Спартанец согласился на тяжёлую жизнь, потому что был убеждён, что от этого зависит его личная безопасность. Таково свидетельство Аристотеля; то же самое подразумевалось и в работах Фукидида; более того, всё это проистекает из природы самого человека. Современные писатели, которые отвергают подобные истины – какими бы образованными они ни были – не могут даже надеяться, что им удастся убедить тех, кто хоть сколько-нибудь уважает свидетельства прошлого.

Несомненно, что столь важный факт внутренней жизни Спарты не мог не оказать доминирующего влияния на её внешнюю политику. Но сама система, пусть и прекрасно выстроенная в интересах

личной безопасности её авторов, также чревата возможными опасностями. Превосходство вооружения, которое производили спартанцы, искушало человека, владевшего им – честолюбивого царя или полководца – использовать его в полной мере; ибо пословица Гомера «Само собой прилипает к руке роковое железо»¹ (др. греч.: αὐτὸς γὰρ ἐφέλκεται ἄνδρα σίδηρος) верна для всякой эпохи.

Жёсткая дисциплина, в условиях которой жили спартанцы, безусловно, подавляла свободу общественного мнения, так что амбициозный, влиятельный человек мог долгое время проводить политику, противоречащую интересам и взглядам массы спартиатов, не вызывая при этом протестов с их стороны, с которыми он не был бы способен совладать.

Обращаясь же к фактам спартанской истории с 550 по 400 г. до н.э. в том виде, как они были представлены г-ном Диккинсом, я должен быть лаконичен в свои комментариях. Поэтому я просто приведу ссылки на его работу и попытаюсь продемонстрировать, насколько упомянутые факты согласуются как с его собственными взглядами, так и с моими.

На страницах 19–22 последнего номера *Classical Quarterly* г-н Диккинс повествует об изменениях, которые претерпела Спарта под влиянием Хилона. Далее (на стр. 23) следует ссылка на интриганство Клеомена и Павсания в очень знаменательный для нас период, о котором мне предстоит рассуждать позже. Затем идут некоторые замечания по поводу распределения «клеров» (др. греч.: κλήρος), то есть земельных наделов, предоставляемых спартиатам. При этом г-н Диккинс полностью игнорирует тот факт, что в рамках новой политики Спарты, имевшей ряд ограничений, спартанцы не имели другой возможности приобретать новые земли, кроме как путём завоевания территорий, лежащих за пределами областей, на которые распространялся кон-

троль спартанского государства. Приобретение новых наделов подразумевало также приобретение новых илотов; и в Спарте однажды пришли к выводу, что большее число илотов, чем уже было в подчинении на тот момент, будет просто невозможно контролировать.

Затем мы сталкиваемся со следующим утверждением г-на Диккинса: «Нет ни малейшего доказательства, что указывало бы на какое-то серьёзное недовольство илотов спартанской политикой в этот период, или на какие-либо трения между спартиатами и илотами».

Но это лишь риторика, которая не имеет никакого отношения к истории; и г-н Диккинс должен быть осведомлён об этом лучше, нежели кто-либо другой. Ведь главный источник сведений, который он использует чтобы обрисовать положение дел в Спарте от Хилона до Клеомена – это его собственные гипотезы. Более того, гипотезы г-на Диккинса противоречат тем немногим античным свидетельствам (из того, чем мы все располагаем) об истории Спарты в этот период. И они не дают нам никаких намеков на то, что с конца VI в. до н.э. происходили какие-либо изменения условий сосуществования спартиатов и илотов. И даже если замечания г-на Диккинса относятся ко времени Хилона, то всё равно нет никаких конкретных доказательств существования мотивов, побудивших его к изменению этой политики. Что же касается предположение г-на Диккинса о том, что Хилон как будто бы желал тем самым испытать могущество спартанских царей, оно является такой же гипотезой, как и то, что его замысел призван был защитить спартанцев от опасности, которую представляли собой илоты – с той разницей, что вторая гипотеза согласуется со свидетельствами, относящимися к Спарте V в. до н.э.

Опять, если считать антимонархизм истинной причиной политических процессов в середине VI в., как мы можем объяснить тот факт, что главным их результатом стало (и обязано было стать)

¹ Гомер. Одиссея. Песнь шестнадцатая, строки 293–294. Перевод В.А. Жуковского.

повышение военной эффективности государства, в котором управление вооруженными силами находилось в руках тех самых царей, абсолютную власть которых, как нам пытается показать г-н Диккинс, пытались как-то сдержать. В Спарте всякая индивидуальность была подчинена коллективу – не просто подчинена, она была сведена на нет. Однако единственным основанием, благодаря которому изначально свободные люди могли бы стабильно существовать в подобных условиях, было общественное согласие. Есть только два мотива, которые побуждают человеческую природу подчиняться такому ограничению личной свободы – страх или религиозный фанатизм; и никто ещё не смог уличить спартиатов в последнем. Человеческий страх также не выражается в принятии мер, рассчитанных на то, чтобы сделать его причину (в данном случае г-н Диккинс пытается нас убедить, что это был страх перед царём) ещё более ужасной. Мы всё же имеем дело не с расой лунатиков, а с весьма одарёнными людьми, среди которых были и Брасид, и Гилип и Лисандр.

Г-н Диккинс, казалось бы, осознал слабость позиции, занятой им в своей первой статье. Поэтому он и выдвигает гипотезу о том, что настоящая причина опасений, которые спартиат испытывал перед илотами, заключалась в том, что цари Спарты, вынашивая планы узурпации власти, намеревались провозгласить себя тиранами и лишить спартиатов политической исключительности путём освобождения илотов и уравнивания их с ними в правах. Это, конечно, смелая гипотеза, основанная на тончайших доказательствах, иначе и не скажешь. Но как же странно, что никто из историков и политических философов V–IV вв. так и не смог уловить ни малейших признаков политики такого калибра¹!

¹ Фукидид в книге «Истории» (I, 132), приписывает данную политику Павсанию. Однако Павсаний никогда не был спарганским царём, он был полководцем и действовал по собственному усмотрению.

Что ж, это действительно вопрос более позднего времени. Обратимся к фактам, приведённым г-ном Диккинсом в связи с переменами, отсылающими нас к 550 г. до н.э.

Действия знаменитого эфора Хилона, насколько они нам известны, соответствуют скорее гипотезе о «государственной» (т. е. «полисной», в нашем контексте) политике, нежели о партийной политике. Его позиция по острову Китира указывает на то, что он опасался внешнего вторжения на территорию Лакедемона – это и был главный мотив внешней политики Спарты в V в. до н.э. Хилон увеличивает влияние эфората и даже наделяет его правом свергать царей. Эфорат – это выбранный орган, который проводит политику от имени полиса; а царская власть – единственная власть в Спарте, узурпировав которую, амбициозный лидер может помешать осуществлению этой политики. Если г-н Диккинс прав в своей интерпретации, то внедрение культа Диоскуров имеет аналогичную с этим мотивацию. Равно как и изменения в политике в отношении Тегеи полностью совпадают с магистральной линией политики Спарты в V в. Таким образом, если подвести итог, идентичность политических идей, что отсылают нас к 550 г. до н.э., с идеями V в. ясно указывает на факт, что они имеют общие мотивы и основания, а даже г-н Диккинс признаёт, что в V в. спартиаты испытывали определённый страх перед илотами.

Восстание илотов Мессении были разгромлено Спартой примерно в 620 г. до н.э. В той войне мессенцами помогали другие полисы Пелопоннеса, в том числе жители Аркадии и Аргоса. Но за семьдесят лет, прошедших с 620 по 550 гг. до н.э., они, должно быть, поправили своё положение; как раз в этот период экспансия Спарты получила серьёзный отпор со стороны Тегеи. Спартиаты осознали, что илоты превосходят их числом настолько, что уже представляют реальную угрозу; и вторжения на территории соседних го-

сударств стали трактоваться как несущие дополнительную опасность. Спарта вполне была способна покорить Тегею, что она и сделала несколько лет спустя; но у неё уже не было возможности щадить пленных, чтобы держать их затем в подчинении – количество порабождённого населения уже превышало возможности Спарты по принуждению его к покорности. И поэтому ей приходилось держать оборону против соседних народов, на случай, если они возьмутся за «дело» покоренных – бросят Спарте вызов.

Что касается стр. 24–25 статьи г-на Диккинса, то крайне затруднительно будет прокомментировать их содержание, не злоупотребив отведённым мне для данной статьи форматом. Так или иначе, он цитирует (непреднамеренно, конечно) свои собственные гипотезы и делает это так, что начинает казаться, будто бы они адресованы студентам, изучающим греческую историю, и таким, у кого нет ни времени, чтобы вникать в детали исторических свидетельств, ни склонности к этому, отчего они готовы принять на веру, что все эти гипотезы принадлежат перу древних историков. Г-н Диккинс заигрывает с самыми наивными из этих невежд, занимается гаданиями на «кофейной гуще» истории, когда повествует о тех якобы катастрофических последствиях, которые приумножение земельных наделов имело бы для спартиатов, если бы Спарта продолжила вести политику завоеваний. Он утверждает, что новые земли неминуемо повлекли бы за собой предоставление гражданских прав проживающему на них населению. Но я не вижу ни одного свидетельства, что предыдущие расширения Спартанского государства вынудили бы вести такую внутреннюю политику.

Политика, направленная против установления тиранических режимов в Греции, естественна для такого государства, как Спарта, которая всеми средствами старалась предотвратить возвышение какого-либо центра силы в Элладе. Ведь

тираны почти без исключения укрепляли те государства, в которых они правили.

Мне жаль, но у меня нет возможности конструктивно разобрать все аспекты статьи г-на Диккинса на страницах данного журнала. Так что пока я могу оценить только самые общие выводы, к которым он пришёл.

На стр. 24, например, он пишет: «После того как Клеомен начал тешить себя идеей массового распространения гражданских прав среди илотов, их надежды были слишком легко пробуждены, а за этим последовало состояние разочарования и гнева». (Примечание г-на Диккинса: «Отрывок из четвёртой книги «Истории» Фукидида (IV, 80) следует рассматривать применительно к V в. до н.э., но именно илоты Мессении всегда были настоящими врагами спартанского государства»).

Те, кто обратит внимание на упоминание Диккинсом отрывка из книги Фукидида, возможно, испытает некоторые сомнения по поводу того, можно ли достичь какой-то разумной цели, принимая доказательства такого плана столь легкомысленно. У Фукидида говорится, что «устрашённые дерзостью многочисленной молодёжи илотов», лакедемоняне поступали с илотами таким образом (далее Фукидид описывает, как именно), поскольку принимаемые ими решения *всегда определялись мерами предосторожности против илотов!*

Но давайте обратимся к утверждению г-на Диккинса, поскольку именно оно представляет краеугольный камень всей аргументации его статьи.

На самом деле у нас есть *три* заявления, которые потенциально могут иметь огромное историческое значение:

(1) Клеомен вступал в тайный сговор с илотами;

(2) Он обнадёживал илотов предоставлением им гражданства;

(3) Надежды илотов не оправдались, что послужило причиной их недовольства и превратило их потенциальную угрозу для Спарты.

Следует заметить, что (2) логически опирается на (1), а (3) – на (2). Но это ещё не всё; поскольку на этих трёх утверждениях основывается четвёртое, которое является ключевым моментом аргументации г-на Диккинса:

(4) Важным элементом политики партии «роялистов» в Спарте было объединение государства путём предоставления илотам гражданских прав.

Теперь остается изучить, на каких именно свидетельствах г-н Диккинс основывает это своё «четырёхэтажное» изложение предполагаемых фактов.

Все свидетельства будут приведены на стр. 31 (*ad fin.*) и стр. 32 (*ad init.*) этого номера журнала.

Пункты (2) и (3) сформулированы таким образом, как если бы они были историческими фактами, однако ни один из них таковым не является. (2) – это всего лишь гипотеза, выведенная из (1), а (3) – это гипотеза, выведенная из (2). Следовательно, свидетельства г-на Диккинса не распространяются за пределы первого этажа этого, с позволения сказать, «великого» исторического здания.

Но когда мы обратимся к доказательству (1), оно оказывается настолько слабым, что, не появившись оно в печати, ни один автор не осмелился бы основать на нём какую-либо серьёзную гипотезу, а тем более построить ещё три этажа на таком слабом «фундаменте».

У Платона, в книге «Законов» (III, 692E и 698E), упоминается, что во время битвы при Марафоне имело место восстание илотов или, скорее даже, «мессенская война». Также у Павсания (IV, 15.2) прослеживается на страницах преемственность, восходящая к Риану, александрийскому писателю III в. до н.э., согласно которой Леотихид был царём Спарты в ходе Второй Мессенской войны.

Свидетельства, извлечённые из «Законов» Платона, весьма расплывчаты и запутанны; и некоторые очевидные исторические ошибки, допущенные там в контексте, не прибавляют уверенности

в истинности свидетельств о времени битвы при Марафоне. Что же касается свидетельства Павсания, то здесь вовсе наблюдается явный анахронизм, что должен признать и сам г-н Диккинс.

Но предположим, на основании этих явно сомнительных доказательств можно допустить, что на Пелопоннесе в это время происходило восстание илотов – несмотря на молчание Геродота и иных историков по этому поводу. Однако даже в этом случае, всё равно нет никакого упоминания о Клеомене в связи с этими событиями.

Таким образом, восстание илотов основано на свидетельствах, которые по крайней мере сомнительны.

На этом основана – без всяких доказательств – гипотеза г-на Диккинса о том, что Клеомен был ответственен за это восстание.

На этом основана – опять же без доказательств, гипотеза о том, что целью политики Клеомена было предоставление илотам гражданских прав.

На этом основана – и снова без доказательств, гипотеза о том, что предоставление илотам гражданских прав было целенаправленной политикой партии «монархистов».

Следует ли воспринимать это нагромождение гипотез в качестве некоего серьёзного вклада в историю?

Но как поступить с Павсанием? Ведь он действительно был обвинён в тайных переговорах с илотами – это произошло в 470 г. до н.э., говорит нам г-н Диккинс. В 470 г. Павсаний был отчаявшимся человеком, и его последней политической картой была поддержка илотов. Но из свидетельства Фукидида ясно, что Павсаний не представлял никого, кроме как себя самого. Кроме того, хотя и Фукидид верит этой истории, он признаёт, что у эфоров никогда не было доказательств против Павсания по данному пункту обвинительного заключения.

Генезис этой большой гипотезы о «монархической» политике, в которой были

замешаны илоты, вполне ясен. Г-н Диккинс полностью и с самого начала осознал, что его первоначальная теория о том, что спартиаты не восставали против образа жизни, суровость которого едва ли имеет аналоги в истории, просто чтобы защитить себя от посягательств царей (которых они могли бы свергнуть), и от института царской власти (который военная мощь народа Спарты могла бы ликвидировать в любой момент), была попросту слабой. Ведь она не предоставляла реального объяснения, почему спартанская система была столь устойчива перед различными вызовами, в том числе вызовами времени. Поэтому г-н Диккинс попытался подкрепить свою основную гипотезу ещё одной, почти столь же важной и претенциозной – гипотезой о том, что спартанские цари якобы желали и предпринимали попытки вести политику предоставления илотам гражданских прав, направленную против спартиатов.

Мы мало знаем о Клеомене, и мы можем признать этот факт, несколько не стесняясь. Исходя из того, что мы действительно знаем о нём, мы вряд ли имеем право называть его империалистом. Всё, что мы можем сказать более или менее определённо: он не симпатизировал уж чересчур сдержанной внешней политике спартанского государства и пытался использовать своё положение, чтобы сделать её более целеустремлённой и решительной. Личные амбиции, несомненно, играли определённую роль в его политике. Но у нас нет оснований утверждать, что он был империалистом в том смысле, какими являлись Лисандр и Агесилай. Его отношения с Афинами (а это та часть его политики, о которой мы осведомлены больше всего) могут проиллюстрировать нам, чем его замыслы отличались от государственной политики Спарты. В основном, он сыграл важную роль в изгнании Писистрата из Афин, но в этом начинании эфорат Спарты, возможно, был с ним солидарен, так как данный афинский тиран в последние годы нахождения

у власти установил тесные отношения с Аргосом, что являлось тяжким преступлением в глазах спартанских патриотов, всегда опасавшихся вмешательства Аргоса в дела Спарты на Пелопоннесе (дальнейшие события подтвердили, их опасения были не беспричинны). Но на этом пути Клеомена и спартанских националистов разошлись. Клеомен, судя по всему, надеялся и ожидал, что Афины вернутся к аристократической олигархии старого толка, поскольку в таком случае они стали бы практически полностью зависимы от Спарты, ведь существование олигархии в Афинах было возможно только за счёт спартанской поддержки. Но патриоты Спарты не желали установления в Афинах зависимого режима, поскольку последнее было чревато вовлечением Спарты в военные конфликты далеко от Пелопоннеса. Сами Афины ещё не являлись тем грозным государством, в которое они превратятся спустя тридцать лет. Спартанский патриот мог опасаться лишь двух вещей: зависимость Афин от Спарты может вовлечь спартиатов в обязательства, которые они не хотели бы выполнять, или уничтожение Афин может нарушить баланс сил в Средней Греции. Потому, когда около 506 г. до н.э. Клеомен хотел разыграть против Афин мощную комбинацию, эфорат занял твёрдую позицию по этому вопросу и сорвал его планы. Да и в целом эфоры были необычайно последовательны в решениях, как и во всей своей политике. Примерно так же они действовали и в 404 г. до н.э. Примечательно, что в 506 г. до н.э. Коринф действовал в согласии с эфоратом Спарты: либо потому, что боялся политики Клеомена, либо потому, что хотел использовать Афины против Эгины.

В конце 490-ых гг. до н.э. Клеомен, как будто бы, возвращается к прежней политике поддержки аристократической партии. Но дело в том, что к этому времени о напряжённости отношений афинских демократов с Персией должны было уже стать известным в Спарте, а вероятности

того, что персидская держава выступит в качестве важного политического фактора на западном побережье Эгейского моря, было бы вполне достаточно, чтобы спартиаты всецело согласились с политикой Клеомена. Тем не менее складывается такое впечатление, что это согласие не было до конца искренним, ведь во время битвы у Марафона, как и в других аналогичных случаях, эфорат позаботился о том, чтобы выполнение возложенных на Спарту обязательств к северу от Коринфского перешейка было сведено к минимуму.

Политика Спарты в отношении Аргоса менялась в течение этих полутора веков, в зависимости от политической ситуации в остальной Греции. Аргос наотрез не собирался вступать ни в один Пелопоннесский союз под руководством Спарты. Следовательно, первой мыслью было стереть Аргос с лица земли. Клеомен был очень близок к исполнению этого плана – почему он так и не реализовал его, мы не можем даже предположить, поскольку не обладаем для того достаточными свидетельствами. Тем не менее его неудачу в этом начинании в любом случае нельзя приписывать империалистической политике. Спарта изменила свою политику позже, когда уже Коринф стал проблемным членом Союза; ибо Аргос был весьма полезен как противовес равноправному Коринфу, как постоянная угроза ему. Ещё позже Спарта сочла необходимым проявить определённую деликатность в отношениях с Аргосом, чтобы не толкнуть его «в объятия» теперь уже грозных Афин.

Политика Клеомена, судя по тому немногому, что нам о ней известно, была направлена на более прямое управление греческими государствами как на Коринфском (Истмийском) перешейке, так и за его пределами, нежели то, что были готовы осуществлять спартанские патриоты. Отсюда, без сомнения, и вытекает ссора между ним и эфоратом. Возможно, он прибег к совсем отчаянным мерам в

последние дни своей жизни, но доподлинно мы этого не знаем.

Если бы мы не были стеснены рамками журнальной статьи, то мы бы рассмотрели спартанскую политику по следам работы мистера Диккинса и после 480 г. до н.э. Но как бы то ни было, мы должны уделить внимание ещё одному важному моменту.

Какую роль в спартанской политике играл Архидам?

Что мы знаем о личности и политических взглядах этого человека? Немного, если не считать того, что поведал нам Фукидид.

Историку свойственно характеризовать выдающихся современников и их политику, вкладывая в уста героям на страницах своих книг показательные речи. Следовательно, мы можем заключить, что речь Архидама в первой книге «Истории» Фукидида должна была иллюстрировать его политические взгляды и общественные воззрения. Если это было так, то характер его правления был определён признанием того, что система связанных друг с другом крепостей одной великой военно-морской державы привнесла в военное искусство того времени элемент, с которым великая сухопутная держава, какой и была Спарта, не могла совладать – попытка взять укрепления была чревата катастрофическими последствиями.

Первый этап Пелопоннесской войны (англ.: *The Ten Years War*) показал обоснованность занятой Архидамом позиции. Так, частью его стратегии было следовать политике «невмешательства» – до поры избегать прямых военных столкновений с Афинами. Спартанские патриоты, пусть по другим причинам, до определённого момента поддерживали своего царя в хитросплетениях дипломатических интриг, предшествовавших Пелопоннесской войне. Ответственность за эпидамский конфликт вокруг Керкиры лежала на Коринфе, более чем на ком-либо ещё, так что Спарта позволила Афинам урегулировать его за счёт коринфских интересов. Но

когда Афины вмешались в торговые дела Мегары, тем самым они нанесли удар уже по Пелопоннесскому союзу, поддержание которого являлось основным принципом спартанской внешней политики. После мегарского инцидента уже не осталось причин толковать позицию Спарты через призму имперских амбиций.

Гипотеза г-на Диккинса по поводу того, что стоило Архидаму, который представлял царскую власть, занять антиимпериалистическую позицию, как «антимонархическая» партия (как называет её г-н Диккинс), в этот же самый момент стала империалистической, в крайней степени неправдоподобна. Его позиция страдает непоследовательностью. С одной стороны, он признает, что к этому времени страх перед илотами уже влиял на спартанскую политику и стеснял её; одновременно с этим он рассчитывает убедить нас, что после землетрясения 464 г. до н.э., когда этот страх

достиг своего пика, эфорат принял решение отринуть всякую осторожность, к которой этот самый страх их склонял. Вероятно, эфоры поступили так из «одной строптивости»?

Мы прокомментировали основные моменты в статье г-на Диккинса и с удовольствием разобрали бы её во всех нюансах, но такой экскурс потребовал бы много большего объёма страниц, чем мы вправе попросить редакторов журнала отвести нам для этих целей. Нужно всё же признать, что г-н Диккинс внёс действительно важное дополнение к имеющимся у нас знаниям о раннем периоде в истории Спарты. Но его реконструкция событий V в. до н. э. столь же неверна, как и его попытки объяснить их предпосылки и последствия. Ведь он отверг свидетельства античных авторов, чей авторитет всё же должен быть непререкаем для тех, кто хочет написать подлинную историю V в. до н. э.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джордж Бердо Гранди (1861–1948) – британский историк и политолог;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

George Beardoe Grundy (1861–1948) – british historian and politician;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гранди Дж. Б. Политика Спарты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 152–161.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-152-161

FOR CITATION/

Grundy G. B. The policy of Sparta. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 152–161.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-152-161